

© 2007 г. В. К. ЩЕРБИН

ВКЛАД О.Н. ТРУБАЧЕВА В РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ КРИТИКИ СЛОВАРЕЙ

В статье рассматриваются опубликованные словарные рецензии О.Н. Трубачева (всего 76 названий). Приведена классификация этих рецензий. Анализируются традиционные и новые критерии, приемы и методы оценки словарей, использованные О.Н. Трубачевым при подготовке словарных рецензий.

В условиях современного информационного общества, словарные запросы которого быстро возрастают, не может оставаться неизменной и структура металексикографии, призванной создавать научные основы для усовершенствования существующих словарей и разработки словарей новых типов. Два десятилетия тому назад В.В. Морковкин определил структуру российской металексикографии (теории лексикографии) следующим образом: «теория лексикографии включает в себя по меньшей мере семь разделов, каковыми являются: а) определение объема, содержания и структуры понятия «лексикография», б) словарная лексикология, в) учение о типах словарей, г) учение об элементах словаря, д) учение об основах лексикографического конструирования, е) учение о первичных словарных материалах, ж) учение о планировании и организации словарной работы» [Морковкин 1987: 39]. Кроме того, с определенными оговорками к теории лексикографии В.В. Морковкин относил и «историю лексикографии» [Там же].

В современной зарубежной металексикографии выделяются и некоторые иные направления теоретической лексикографии. Так, немецкий исследователь Г. Виганд, наряду с отдельными упоминавшимися выше направлениями металексикографии (общей теорией лексикографии и историей лексикографии), выделяет и такие направления, как исследование словарного использования и критика словарей (*criticism of dictionaries*) [Wiegand 1983: 15]. В свою очередь, Ф. Хаусман к числу названных Г. Вигандом металексикографических направлений добавляет еще и такие, как исследование статуса словаря и маркетинг словаря [Hausmann 1986: 102]. Можно назвать и другие, еще более специализированные направления, выделяемые сегодня в теоретической лексикографии. К примеру, автором данной статьи только в области социологии словаря [Щербин 1999] отчетливо дифференцируются четыре таких направления: социология лексикографов, социология литературных источников для больших академических словарей, социология словарных изданий и социология читательского спроса на словари [Щербин 2003].

1. НАУЧНАЯ КРИТИКА СЛОВАРЕЙ КАК НАПРАВЛЕНИЕ МЕТАЛЕКСИКОГРАФИИ

Данная статья посвящена рассмотрению вопроса о правомерности и целесообразности выделения в рамках славянской металексикографии такого направления, как научная критика словарей. Необходимость формирования и развития данного направления, для примера, в рамках англоязычной металексикографии, по мнению Р. Квирка, обусловлена тем, что «из всех видов научных изданий труднее всего поддаются рецензированию словари. Именно по этой причине все мы имеем свои собственные способы оценки нового словаря» [Quirk 1986: 5]. Тем не менее, если в рамках национальной лексикографии создать специальные исследовательские структуры, которые

подобно Эрлангенскому центру словарных исследований (Германия) будут специализироваться на критике одноязычных и переводных словарей разных языков [Naumann 1986: 108], а также будут регулярно готовить обзоры опубликованных словарных рецензий за достаточно длительный период времени [Charman 1977: 143–162], то конечным результатом металексикографической деятельности подобных исследовательских структур, несомненно, станет выявление типовых и наиболее характерных для данной национальной лексикографической традиции подходов (научных и ненаучных) к рецензированию словарей.

Так, американский металексикограф С.И. Ландау делит словарных критиков в зависимости от используемых ими подходов на две группы: а) первую группу составляют известные авторы, литературные критики и профессора в области гуманитарных наук; б) ко второй группе относятся профессиональные лексикографы. При этом С.И. Ландау отдает предпочтение словарным рецензиям профессиональных лексикографов, поскольку считает «наличие профессиональных знаний в области лексикографии жизненно необходимым для оценки новых словарей» [Landau 1996: 305]. Деятельность профессиональных лексикографов по подготовке словарных рецензий отдельные исследователи называют академической (т.е. научной) критикой словарей [Osselton 1989: 225–230; James 1994: 2186]. По мнению С.И. Ландау, именно в процессе такой научной критики общих коммерческих словарей английского языка профессор Алабамского университета Дж.Б. Макмиллан сформулировал «три основных критерия для оценки словарей: количество информации, качество информации и эффективность ее представления. Количество включает число статей, число дефиниций, число новых терминов (в сравнении с другими словарями), частоту использования предметно-тематических характеристик, синонимов, этимологий и транскрипций. Качество охватывает точность, законченность, ясность, простоту и современность. ...Эффективность представления включает сравнение систем алфавитной подачи материала, размещение этимологических сведений в словарных статьях, порядок группировки дефиниций, системы произношения и типографское исполнение» [Landau 1996: 306].

2. СЛОВАРНЫЕ РЕЦЕНЗИИ О.Н. ТРУБАЧЕВА

В рамках славянской металексикографии хорошую возможность для определения того, в какой мере приведенные выше критерии и подходы к оценке словарной продукции реализованы в отношении словарей славянских языков, предоставляет изучение научного наследия широко известного российского этимолога и лексикографа О.Н. Трубачева, поскольку опубликованные им рецензии на словари многих славянских и других языков являются достаточно значимой частью этого наследия. В частности, в хронологическом указателе трудов ученого [ОНТ 2003: 44–89] к числу словарных рецензий сразу же можно отнести более 60 отзывов на словари разных языков и типов, поскольку статус этих отзывов указан в тексте указателя при помощи пометы «*Рец.*», т.е. рецензия. Вместе с тем вопрос об определении точного количества написанных О.Н. Трубачевым словарных рецензий совсем не так прост, как кажется, даже в отношении тех его отзывов на словари и иные книги, содержащие словарные материалы, которые имеют при себе помету «*Рец.*» в указателе трудов ученого.

С одной стороны, отдельные из словарных рецензий О.Н. Трубачева (как правило, очень небольшие по объему) самим автором прямо в их тексте называются «аннотациями» [Трубачев 1969: 320] или «краткими рецензиями-аннотациями» [Трубачев 1977: 169]. С другой стороны, отдельные рецензируемые им книжные издания [Вахрос 1959; Striedter-Temps 1963; Schulz 1964; Stang 1972; Unbegaun 1972; Udolph 1979; Malingoudis 1981] по своему формальному статусу являются монографическими исследованиями. Тем не менее, все эти книги содержат большие по объему словарные разделы, интересовавшие рецензента этих книг в первую очередь и особенно подробно им про-

анализированные, а потому их тоже можно с определенными оговорками отнести к числу справочных изданий, что О.Н. Трубачев, к слову сказать, и делает.

Так, структуру монографического исследования Х. Штридтер-Темпс исследователь характеризует следующим образом: «Само исследование распадается на две части: фонетику (где рассматривается соотношение немецкого и словенского вокализма, консонантизма, субституции звуков и т.д.) и словарь. Последний представляет для нас особый интерес. Этот этимологический словарь немецких заимствований в словенском занимает более двух третей всего объема книги» [Трубачев 1965d: 360]. В свою очередь, о структуре книги Г.В. Шульца в своей рецензии О.Н. Трубачев пишет следующее: «Большую часть работы (стр. 39–217) занимает раздел “Лексика (с объяснениями и попытками этимологизации) в алфавитном порядке” – своего рода этимологический словарь русской плотничьей терминологии» [Трубачев 1967a: 388]. Статус справочных изданий придает О.Н. Трубачев и другим указанным выше монографиям, хотя в качестве оснований для подобных жанровых квалификаций в рецензиях называются достаточно разные качества этих монографий: «Книга Б.О. Унбегауна имеет обширный алфавитный указатель фамилий (стр. 425–525), что превращает ее в удобный и незаменимый справочник» [Трубачев 1975c: 193]; «Свою задачу автор (Х. Станг. – В.Ш.) видел в том, чтобы собрать наиболее надежный материал по проблеме (стр. 7). Результатом явился своеобразный словарик (стр. 13–66), охватывающий 188 случаев балто-славяно-германской лексической общности, т.е. больше, чем в свое время было известно Траутману, в словаре которого насчитывается 168 таких случаев» [Трубачев 1976d: 179]; «По замыслу автора, в центре его внимания – этимология топонимов (см. Malingoudis, с. 5). Основной раздел его книги (II) – алфавитный словарь славянских микротопонимов, занимающий свыше ста страниц текста» [Трубачев 1985a: 177]. По указанным выше причинам рецензии О.Н. Трубачева на книжные издания такого рода (всего 7 названий) тоже квалифицировались нами в качестве словарных рецензий.

Кроме того, к числу словарных рецензий с определенной долей условности можно отнести 7 больших по объему журнальных статей исследовательского характера [Трубачев 1960; 1978a; 1978b; 1994; 1995; 2001; 2002], названия которых не имеют при себе в указателе трудов ученого пометы «Рец.», однако тексты этих статей, как правило, содержат признание автора о том, что в данных работах он фактически рецензирует различные этимологические словари, параллельно осуществляя исследование их составов и структур. К примеру, в статье «Маргиналии к новому “Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка” М. Майрхофера» О.Н. Трубачев следующим образом описывает свой способ рассмотрения данного словаря: «Я избрал для себя достаточно трудоемкий способ параллельного чтения обоих трудов Майрхофера – его ранее изданного “Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка” и вышеупомянутого нового. Это чтение оказалось чрезвычайно поучительным для меня лично, дав пищу для разнообразных наблюдений, т.е. в конечном счете и для рецензии тоже. ... Именно это и побудило меня, в конце концов, взяться за дело, несколько медленное исполнение которого извиняется тем, что оно не является собственно рецензированием, хотя и включает его элементы» [Трубачев 1994: 81].

Наконец, украинская исследовательница О.Н. Лазаренко в докладе «О.Н. Трубачев об этимологических словарях украинского языка», прочитанном ею на Вторых чтениях памяти О.Н. Трубачева (Алупка, Севастополь, 14–21 сент. 2004 г.), назвала ряд подготовленных ученым, но до настоящего времени не опубликованных рецензий на разные тома «Етимологічного словника української мови» и справедливо поставила вопрос о необходимости публикации этих рецензий: «О.Н. Трубачев подготовил рецензии на предыдущие 4 тома ЕСУМа, но они так и не были опубликованы. Представляется, что следует опубликовать рецензии О.Н. Трубачева на рукописи ЕСУМа, чтобы ознакомить широкий круг читателей с еще одной страницей научной деятельности ученого» [Шапошников 2005: 149]. Однако поскольку указанные словарные рецензии на разные тома «Етимологічного словника української мови» до сих пор не

опубликованы, доступ к ним сейчас затруднен. Именно по этой причине упомянутые О.Н. Лазаренко рукописные рецензии О.Н. Трубачева на 4 тома ЕСУМа остались за рамками данного исследования.

Таким образом, из почти 600 опубликованных научных работ, названия которых представлены в хронологическом указателе трудов О.Н. Трубачева, 76 публикаций можно с определенными оговорками отнести к разряду словарных рецензий, что составляет почти 13% от содержания перечня работ ученого.

Впечатляет не только количество опубликованных О.Н. Трубачевым рецензий на словари разных типов и языков, но и разнообразие используемых в этих рецензиях методов и способов оценки словарной продукции, а также богатство анализируемых в них разноязычных и разнотипных словарных материалов. В частности, по количеству рассматриваемых в них словарей опубликованные О.Н. Трубачевым рецензии делятся на две группы. К первой группе относятся немногочисленные рецензии-обзоры, в которых анализируются целые группы однотипных словарей. К примеру, в одной из таких рецензий-обзоров [Трубачев 1978а] рассматриваются 11 этимологических словарей русского, украинского и белорусского языков. Вторую группу словарных рецензий О.Н. Трубачева составляют монорецензии, в которых оцениваются отдельные конкретные словари (таких рецензий большинство).

По типу рассматриваемых в них словарей рецензии О.Н. Трубачева распределяются следующим образом: в 62-х из них анализируются этимологические словари, в 8-ми рецензиях – исторические словари, по 6 рецензий приходится на сравнительные (многоязычные) и ономастические словари, по одной рецензии – на переводные и толковые словари. При этом отдельные рецензируемые О.Н. Трубачевым словари относились нами сразу к двум словарным типам (таковы, например, историко-этимологические словари). Последним обстоятельством обусловлено несовпадение общего количества словарных рецензий О.Н. Трубачева (76 названий) и суммы рецензий, посвященных словарям разных типов.

По языковой характеристике рассматриваемых в них словарей опубликованные рецензии О.Н. Трубачева можно сгруппировать следующим образом: в 18-ти из них исследуются словари, общие для всех славянских языков, в 17-ти – словари польского языка, в 11-ти – словари болгарского языка, в 7-ми – словари праславянского языка, в 6-ти – словари русского языка, в 5-ти – словари полабского языка, три рецензии посвящены словарям венгерского языка, по две рецензии – словарям германских, греческого, осетинского, словенского и украинского языков, по одной рецензии приходится на словари балтийских, восточнославянских, древнеиндоарийского, иранского, литовского, лужицкого, прароманского, словацкого и чешского языков. Отдельные рецензируемые О.Н. Трубачевым словари (помимо общих для той или иной группы языков – балтийских, германских, славянских и прочих) включают материал сразу двух и более языков (в качестве примера можно привести «Polabian-English dictionary» [Polański, Sehnert 1967]). По этой причине общее количество словарных рецензий О.Н. Трубачева не совпадает с суммой рецензий, посвященных словарям разных языков и групп языков.

Наконец, по участию или неучастию О.Н. Трубачева в составлении рецензируемых словарей опубликованные им словарные рецензии можно разделить на две группы. К первой группе относятся собственно рецензии (их подавляющее большинство), в которых исследователь оценивает «чужие» словари, занимая при этом позицию нейтрального наблюдателя «со стороны». Вторая группа включает три авторецензии [Трубачев 1995; 2001; 2002]. Первую из этих рецензий О.Н. Трубачев в одной из своих последующих работ назвал «опытом автореферата» [Трубачев 2001: 269]. В подобного рода авторецензиях автор раскрывает читателям составляемый под его руководством и с его непосредственным участием «Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд» (ЭССЯ) как бы «изнутри», рассматривая его в широкой исторической перспективе подготовки и издания многочисленных выпусков, с отражением всей полноты и динамики решаемых при этом разнообразных научных

и околонуучных, издательских, кадровых и иных проблем. Присутствует в содержании указанных авторецензий и определенный элемент мемуарности.

Отдельные исследователи видят в таком авторецензировании и самоцитировании О.Н. Трубачева подход к границе этически рискованной ситуации. Однако наш опыт проведения комплексного науковедческого анализа работ О.Н. Трубачева [Шчэрбін 2005] показывает, что редкие случаи авторецензирования и самоцитирования в творчестве этого выдающегося ученого не противоречат требованиям этики науки и обусловлены достаточно объективными причинами. Вот что, к примеру, пишет о подобных причинах российский науковед О.В. Михайлов: «Стремление ученого сослаться на свои предшествующие исследования, если это необходимо по ходу статьи, вполне естественно. До определенной степени самоцитирование представляется оправданным, так как весьма часто данная конкретная публикация ученого является продолжением его прежних работ. Если же исследователь работает над такими проблемами, которыми в настоящее время никто в мире, кроме него самого, не занимается, необходимость в самоцитировании становится еще большей, а подчас и просто вынужденной» [Михайлов 2001: 205]. Поскольку О.Н. Трубачев и другие составители ЭССЯ дальше других исследователей продвинулись в изучении праславянского лексического фонда, им порой, кроме как на ЭССЯ, больше не на что сослаться при обсуждении новейших данных о состоянии указанного фонда. Такими же объективными причинами (необходимостью подведения итогов за несколько десятилетий издания ЭССЯ, стремлением ускорить введение полученных результатов в широкий научный контекст и т.п.) обусловлено осуществление О.Н. Трубачевым авторецензирования ЭССЯ.

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ О.Н. ТРУБАЧЕВЫМ ТРАДИЦИОННЫХ КРИТЕРИЕВ ОЦЕНКИ СЛОВАРЕЙ

Как указывалось выше, к числу традиционных критериев оценки словарной продукции относятся сформулированные Дж.Б. Макмилланом следующие словарные характеристики: количество информации, качество информации и эффективность ее представления в словаре. Рассмотрим, насколько широко представлены эти традиционные критерии в опубликованных словарных рецензиях О.Н. Трубачева.

Критерий количества информации в словаре, т.е. требование полноты словаря, в интерпретации О.Н. Трубачева предполагает включение в этимологические словари любой лингвистической (лексической, грамматической, словообразовательной, фонетической) и даже экстралингвистической (энциклопедической, иллюстративной и прочей) информации, которая может оказать содействие в процессе реконструкции исходных значений и форм этимологизируемого слова. К примеру, в рецензии, посвященной рассмотрению «Русского этимологического словаря» М. Фасмера, О.Н. Трубачев отмечал, что «ономастика, употребительная в данном языке, вообще по праву должна быть отражена в этимологическом словаре этого языка; отбор и ограничение при этом целесообразно производить, включая названия, нуждающиеся в этимологизации, а также служившие предметом анализа в этимологической литературе» [Трубачев 1960: 63]. Далее в рассматриваемой рецензии исследователь особо отметил тот факт, что «Фасмер буквально спас целый ряд слов и выражений для этимологического исследования, как справедливо указал один из рецензентов. Кроме редких и устаревших слов, в словарь влились широкой струей диалектизмы и несколько сот собственных имен, что также никоим образом не может считаться отрицательным явлением. В объяснительном словаре-справочнике должны быть представлены все слова, нуждающиеся в объяснении, в том числе употребительная в данном языке ономастика» [Там же].

Неоднократно и самым положительным образом оценивался О.Н. Трубачевым факт включения составителями «Болгарского этимологического словаря» под ред. В. Георгиева в реестр данного словаря самых разных разрядов лексики: «Вообще словник нового словаря отличается большой щедростью, что скорее следует отнести

к числу достоинств. В словарь включены не только апеллятивы (общенародные и диалектные), но и статьи, посвященные собственным именам – топонимам, гидронимам, что в какой-то мере характерно для современных словарей. Особый разряд составляют опыты реконструкции апеллятивов, утраченных новоболгарским языком, по данным старой и новой топонимии» [Трубачев 1965а: 353]; «...в первую очередь заслуживают упоминания такие важные и ценные черты публикуемого словаря, как богатство диалектной лексики, представленной в нем, изобилие производных и словообразовательных форм, выявление редкой или совершенно исчезнувшей болгарской лексики, в частности – через призму топонимии как одного из важных источников таких сведений» [Трубачев 1967b: 381]; «Как и предыдущие части этого словаря, рецензируемые выпуски XI–XII и XIII–XIV отличаются прежде всего богатством словника. Кроме слов болгарского литературного языка, здесь дается много диалектной лексики, причем не только из болгарских народных территориальных говоров, но и из социальных диалектов, арготизмов: ученический, портняжный, воровской жаргон (тарикатски език)» [Трубачев 1980а: 183].

Положительно оценивалась О.Н. Трубачевым не только исчерпывающая лексическая, но и словообразовательная полнота этимологического словаря. Особенно отчетливо эта оценка проявилась в разновременных рецензиях на выпуски «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского: «По-прежнему это – необычайно широкий для этимологического словаря отдельного славянского языка исследовательский кругозор (польские слова рассматриваются во все более тесной связи со славянской лингвистической географией, праславянской реконструкцией и праславянским словообразованием)» [Трубачев 1975а: 178]; «В новой части труда отражены наиболее существенные направления и особенности рецензируемого словаря: стремление к исчерпывающей и все более расчлененной подаче лексики и словообразования польского языка, весьма детализированная праславянская реконструкция» [Трубачев 1980b: 182].

Всячески приветствовал О.Н. Трубачев в своих рецензиях также широкий теоретический охват новейших научных данных и фактологическую полноту экстралингвистических сведений, подаваемых в этимологическом словаре. Так, уже в первой своей словарной рецензии (на «Греческий этимологический словарь» Я. Фриска) он положительно оценил тот факт, что составитель словаря «использует данные ларингальной теории, важнейшие новые исследования» [Трубачев 1957: 149]. При этом рецензента не смущало даже то обстоятельство, что учет теоретических результатов новейших лингвистических исследований в словарной статье этимологизируемого слова может увеличить такую статью до размеров раздела монографии: «Некоторые статьи (в «Сравнительном словаре славянских языков» Л. Садник и Р. Айцетмюллера. – В.Ш.) занимают как бы промежуточное положение между словарной статьей и монографической статьей по морфонологической характеристике той или иной основы» [Трубачев 1971а: 263]. При этом исследователь полностью отдавал себе отчет в том, что «нельзя ставить знак равенства между этимологическим словарем языка и монографическим этимологическим исследованием, скажем, названий красок в славянских языках» [Трубачев 1958: 130]. Однако О.Н. Трубачев считал возможным делать исключения при определении объема словарных статей для наиболее важных в этимологическом и культурном отношении заголовочных слов: «Словарная статья этимологического словаря – понятие растяжимое, обычно ассоциируемое с ней представление краткости не подходит к случаям слов немалой этимологической сложности и большого культурного веса» [Трубачев 2002: 14].

В свою очередь, фактологическую полноту сведений о предметах материальной культуры, описываемых в этимологическом словаре, О.Н. Трубачев тоже считал весьма желательной: «Из предисловия мы узнаем, что работе над книгой предшествовал не только анализ всего доступного лексического материала, включая Картотеку древнерусского словаря Института русского языка АН СССР в Москве, но также изучение этнографических и исторических материалов по обуви в музеях Москвы, Ле-

нинграда, Стокгольма, Лунда и Копенгагена. Это послужило достаточным основанием для применения известного старого метода «слов и вещей», используемого И.С. Вахросом весьма удачно и результативно. Сопоставление данных языкознания и истории материальной культуры проводится автором обычно с достаточным тактом и умением, и в этом смысле его опыт достоин пристального изучения» [Трубачев 1962: 100].

Напротив, к чрезмерно жесткому отбору реестровой лексики, пропуску того или иного разряда слов в реестре этимологического словаря О.Н. Трубачев относился отрицательно: «Однако определенный отбор лексики за счет диалектных слов и большого числа культурных заимствований имел место, что вряд ли следует признать положительным явлением. На деле это означало ущерб для полноты словаря» [Трубачев 1958: 130]. Позднее О.Н. Трубачев обосновал необходимость снятия всяческих ограничений при отборе реестровой лексики для этимологических словарей путем четкой дифференциации нормативных словарей литературного языка и этимологических справочников по лексике данного языка: «Обилие диалектной и малоупотребительной лексики в словаре Фасмера смущает некоторых читателей, впрочем без особого на то основания. Это привилегия этимологического словаря, его специфика в отличие от словарей нормативных, а упомянутая лексика – насущный хлеб этимологии, которая в поисках генетических и словообразовательных связей не делает тех различий между словами, которые приняты в нормативных словарях. Этимологический словарь литературного языка – это, если угодно, смешение двух понятий, различных по своей природе. Вообще ограничивать этимологический словарь в этом смысле – значит выхолащивать понятие этимологии. И если иногда ограничения диалектной лексики предпринимают сами этимологи, то это только снижает ценность их словарей для исследователя» [Трубачев 1960: 64]; «Установка на словарный состав исключительно литературного языка наносит ущерб принципу этимологического словаря» [Трубачев 1978а: 19]. Таким образом, О.Н. Трубачев регулярно использовал в своих словарных рецензиях критерий количественной полноты информации при оценке рассматриваемых словарей.

Использование **критерия качества информации**, подаваемой в словаре, предполагает обязательный учет его рецензентом совокупности более мелких критериев (требований) точности, законченности, ясности, простоты и современности включаемых в словарь сведений. Только в случае соблюдения составителями словарей всех перечисленных требований качественного характера можно говорить о высоком качестве их словарной продукции. Если в свете данных требований проанализировать содержание словарных рецензий О.Н. Трубачева, то можно убедиться в том, что и этот комплексный критерий оценки словарной информации использовался исследователем весьма продуктивно.

К примеру, О.Н. Трубачев считал, что «большим достоинством словаря служит точная датировка первой письменной фиксации слова, будь то первые памятники XI–XII веков, глоссы X века или новые слова последних десятилетий нашего времени» [Трубачев 1973: 384]. С другой стороны, Олег Николаевич отмечал в своих рецензиях любые проявления неточности, неясности и неряшливости в подаче языковой информации в рассматриваемых им словарях независимо от того, касалось ли это отбора реестровой лексики, использования составителями соответствующих словарных помет или проведения ими этимологического анализа содержания заглавных слов. В частности, по поводу отбора реестровых единиц в выпусках 11–14 «Болгарского этимологического словаря» под ред. В. Георгиева исследователь посчитал необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что в этих выпусках «собрана масса полезной информации, но лексикографически это выполнено не всегда удачно, с частыми повторами, когда заглавными словами оказываются незначительные диалектные фонетические варианты одного и того же слова, а это влечет за собой многократное дублирование характеристик и определенную избыточность в подаче информации» [Трубачев 1980а: 183]. В свою очередь, о неточном употреблении словарных помет составителя-

ми «Краткого этимологического словаря русского языка» (М., 1961) О.Н. Трубачев писал следующее: «Что касается пометы “общеславянское”, то содержание ее в данном словаре крайне сумбурно и не поддается сколько-нибудь точному определению. Достаточно сказать, что авторы путают такие автономные понятия, как “общеславянское” и “праславянское”, не ощущая ни хронологической, ни лингвогеографической разницы между ними. Точнее говоря, они всюду употребляют только помету “общеславянское”, которая у них синонимична “древнему”, “праславянскому”...» [Трубачев 1961: 130]. В этой же рецензии исследователь негативно оценил неряшливо проведенный в словаре этимологический анализ содержания заглавных слов: «Любое проявление составителем словаря неряшливости – в отношении лексического материала или теории и практики этимологического анализа – способно принести вред, значительно перерастающий ту весьма относительную “пользу”, которую можно усматривать в популярном, доступном изложении этимологий» [Там же: 129].

Строго следил О.Н. Трубачев за соблюдением в рецензируемых им словарях требования простоты подаваемой языковой информации, т.е. того, насколько составителям словарей удалось избежать излишне сложной, наукообразной подачи словарных сведений, а также популярно, но научно изложить эти сведения для читателей. Исследователь был искренне убежден в том, что «словарь может быть “кратким” и “популярным”, даже “школьным” и вместе с тем он может оставаться научным. Между научным и научно-популярным изданием нет и не должно быть принципиального различия, однако писать популярные работы труднее, чем специально научные. Нельзя одновременно оставаться добросовестным и заниматься популяризацией той отрасли науки, которая не стала твоей плотью и кровью. Другими словами, написание популярной работы справочного характера должно быть итогом длительной исследовательской работы. Противоположное понимание научной популяризации почти неизбежно рождает наспех написанную стряпню, грубую фальсификацию, которую не могут скрыть ни псевдолаконичность, ни обтекаемость формулировок или нарочито глухие ссылки» [Там же].

Удачным примером простого по форме, но научного по сути изложения языковых и экстралингвистических сведений О.Н. Трубачев считал трехтомный «Этимологический словарь русского языка» А.Г. Преображенского (М., 1910/1949): «Преображенский был школьный учитель, но словарь у него вполне научный. Это слияние обоих методов можно считать наиболее похвальной особенностью его словаря, можно сказать, что с его стороны это было едва ли не самым смелым шагом и самым важным авторским проявлением. Фактически есть только одна этимология, а не две – одна для учащейся молодежи, а другая для специалистов. Похоже, что с той поры эту истину стали забывать» [Трубачев 1978а: 18]. Именно соблюдение авторами «Историко-этимологического словаря венгерского языка» (Будапешт, 1967) общенаучного требования «работать для науки, а писать для народа» позволило им, по мнению О.Н. Трубачева, «адресовать свой глубоко научный труд одновременно самой широкой читательской публике, объединив в одном словаре научно-исследовательскую работу академического плана и научно-популярную работу, доступную широкому культурному читателю» [Трубачев 1971b: 260–261].

С рассмотренными выше критериями точности, ясности и простоты включаемых в словарь сведений тесно связан сформулированный О.Н. Трубачевым критерий надежности словаря. Проиллюстрируем использование данного критерия исследователем при оценке «Краткого этимологического словаря русского языка» (М., 1961): «Если идти дальше и проверять, как опираются авторы на достижения этимологической науки, то мы явемся свидетелями вопиющего произвола, с каким множество слов препарируется в словаре таким образом, как если бы никакой литературы по этимологии вовсе не существовало. Разумеется, авторы были вправе производить отбор этимологий. Осуждению подлежит не сама эта практика в принципе, а случайный характер очень многих приводимых в словаре этимологий, который попросту снимает вопрос о надежности данного словаря» [Трубачев 1961: 130]. Таким образом, при оценке рецен-

зируемых им словарей О.Н. Трубачев не только системно, с учетом всей полноты содержащихся в нем требований, использовал комплексный критерий качества информации, но и дополнил последний еще одним требованием (надежности словарной информации).

Еще более весом вклад О.Н. Трубачева в обогащение практики использования при оценке словарной продукции **критерия эффективности представления информации** в словаре. Для обеспечения удачной организации словарного пространства требуется соблюдение целого ряда условий: а) удачный выбор главного принципа подачи материала (алфавитного, гнездового, тематического или иного), т.е. оптимальной макроструктуры словаря; б) удобная для читателя группировка разнотипных сведений в рамках словарной статьи, т.е. адекватная описываемому языковому материалу микроструктура словаря; в) мотивированное использование существующих возможностей современной лексикографической техники (иллюстраций с изображениями реалий, исчерпывающих библиографических списков к статьям словаря, совершенных систем транскрипции, изошренного справочного аппарата с множеством разнотипных ссылок и др.); г) высокий уровень издательской подготовки словаря и его полиграфического (типографского) исполнения. При этом первоочередную роль среди перечисленных выше средств обеспечения эффективной подачи словарной информации играет наличие оптимальной макроструктуры словаря: «...композиция материала – это, по крайней мере, половина методологии» [Трубачев 1967с: 385].

Выявлению типа макроструктуры того или иного словаря О.Н. Трубачев уделил особенно большое внимание в своих словарных рецензиях. В частности, изучение содержания нескольких десятков прорецензированных им словарей разных типов позволило ему описать весь спектр основных принципов организации словарного пространства: алфавитный [Трубачев 1965b: 346], тематический (идеологический) [Трубачев 1976a: 175], гнездовой [Трубачев 1958: 130], псевдогнездовой [Трубачев 1976b: 182], этимологический [Трубачев 1965b: 346], грамматический [Трубачев 1976a: 175], генетический [Трубачев 1960: 61], апофонический [Трубачев 1976с: 178], числовой [Трубачев 1971a: 263]. Из всех перечисленных выше принципов организации словарного пространства О.Н. Трубачев отдавал явное предпочтение алфавитной подаче языкового материала: «Если говорить об удобстве пользования и доступности словаря (а этим в конечном счете определяется форма каждого словаря), то таким мог бы быть, безусловно, только алфавитный порядок. Отказ авторов от этого порядка едва ли следует приветствовать. Никакой лабиринт планируемых авторами индексов к каждой букве в отдельности (!) этого удобного принципа не заменит» [Трубачев 1965b: 346].

К своему выбору в качестве наилучшей именно алфавитной подачи информации в словаре О.Н. Трубачев пришел, анализируя, с одной стороны, недостатки иных принципов организации словарного пространства, а с другой стороны, описывая очевидные достоинства алфавитного принципа. Вот какой вывод, к примеру, сделал исследователь, изучая практику использования гнездового принципа подачи материала в этимологической лексикографии: «...практика этимологических гнезд, применяемая в некоторых этимологических словарях как преимущественная, обедняет реальные этимологические и словообразовательные отношения» [Трубачев 1960: 65]. В других своих рецензиях О.Н. Трубачев более подробно останавливается на недостатках применения гнездового принципа для организации словарного пространства: «Недостаток метода этимологических гнезд состоит далеко не только в том, что в итоге образуются очень сложные статьи, в которых не сразу можно найти нужное слово. ...главное – метод этимологических гнезд означает то, что разные производные, давно имеющие в языке свою собственную судьбу и историю, а нередко представляющие лишь передачу, кальку иноязычной модели, оказываются формально подчиненными одной общей основе» [Трубачев 1958: 130]; «В силу упомянутых причин (гнездовой порядок расположения материала) слова разыскивать очень трудно. ...Едва ли кто-нибудь станет возражать, что в вопросе заимствований, особенно поздних заимствований, гнездовой принцип статей утрачивает всякий смысл» [Трубачев 1965b: 347]; «Со-

храняются далее также и те особенности словаря, которые могут быть отнесены к числу менее удачных. Такова, прежде всего, гнездовая форма рассмотрения образований с общим корнем, которая, как известно, скрадывает лексическую самостоятельность и собственную историю производного слова. Кроме того, при этом дело не обходится без неэкономных повторений...» [Трубачев 1967b: 381].

В свою очередь, рецензируя «Этимологический словарь славянских языков» (Прага, 1973), О.Н. Трубачев отмечает не словарный характер положенного в основу данного труда грамматического принципа подачи языкового материала: «Авторы избрали оригинальную композицию, при которой словарь разбивается на ряд тематических томов. Принцип выделения "тем", как видно по тому 1-му, – не семантический, как в первую очередь можно было бы ожидать, исходя из словарной практики, из факта, что словари бывают либо строго алфавитные, либо тематические (идеологические). В основу словаря (по крайней мере, его ныне рецензируемого тома 1-го, а также следующего тома 2-го, см. «Předmluva», стр. 5) положен в данном случае грамматический принцип, т.е., строго говоря, принцип не словарный» [Трубачев 1976a: 175].

В следующей (по времени опубликования) словарной рецензии О.Н. Трубачев раскрывает недостатки целого ряда принципов организации словарного пространства, которых, по его мнению, не имеет алфавитная подача словарных сведений: «...как известно, отыскивание нужного слова в этом словаре (речь идет о словаре Л. Садник и Р. Айцетмюллера. – В.Ш.) без вспомогательного алфавитного указателя крайне затруднительно, оно неизбежно сводится к сплошному просматриванию практически всего соответствующего словарного раздела, построенного на гнездовых, апофонических и других более частных и случайных принципах, из которых, увы, ни один не способен заменить удобного алфавитного расположения материала» [Трубачев 1976c: 178]. Еще одним достоинством алфавитного принципа организации словарного пространства, помимо возможности быстрого нахождения по алфавиту нужного реестрового слова, является, по мнению О.Н. Трубачева, заложенное в данном принципе качество, позволяющее обеспечить «максимально расчлененную композицию словника» [Трубачев 1965c: 354]. Иными словами, по алфавиту в словаре можно размещать не только слова и словосочетания, но и отдельные морфемы слова.

В своих словарных рецензиях О.Н. Трубачев не обходил вниманием и структуру отдельной словарной статьи, т.е. микроструктуру словаря. В качестве наиболее устоявшейся, традиционной модели микроструктуры этимологического словаря он рассматривал структуру словарной статьи в «Русском этимологическом словаре» М. Фасмера: «Структура словарной статьи у Фасмера не вызывает каких-либо особых замечаний и в целом выдержана в старых традициях. После русского слова с его значением перечисляются родственные слова остальных языков, начиная с украинского и кончая серболужицкими. Затем следует, как правило, собственно этимологическая часть; в заключение ее обычно дается хорошая библиография в сжатом виде, в которой нашел отражение уровень лексикографической разработки привлекаемых языков, и прежде всего русского, а также современное состояние этимологических исследований» [Трубачев 1960: 65]. В то же время словари иных типов, по мнению рецензента, характеризуют, в числе прочих особенностей, наличие словарных статей с отличающейся структурой. Так, для словаря историко-этимологического типа (например, для «Словаря славянских древностей», который издается в Польше с 1962 года) свойственна словарная статья с «синтетической» структурой: «Обычная в связи с наличием этимологических комментариев структура статей «Словаря»: 1) сведения по истории и этимологии слова или собственного имени (автор – лингвист); 2) историческая часть статьи (автор – историк). Эта удобная и четкая структура синтетической статьи соблюдается на всем протяжении известной нам части «Словаря»...» [Трубачев 1967d: 387].

Совсем иная микроструктура, как показал О.Н. Трубачев в своей рецензии, характерна для двуязычного справочника К. Полянского и Дж.А. Сенерта «Polabian-English dictionary» (Гаага; Париж, 1967), ориентированного на этимологическое описание лексики полабских текстов: «Было бы, конечно, ошибкой думать, что это двуязычный

словарь обычного типа. Перед нами, бесспорно, оригинальный и даже единственный в своем роде труд. Это отчасти вызвано ограниченным характером полабских текстов, что побудило составителей трактовать как самостоятельные словарные статьи парадигматические формы (лица глаголов, падежи имен, причастия). Историко-культурные условия фиксации полабских текстов вызывают необходимость подачи при полабских формах немецких слов-эквивалентов, которые практически все указываются авторами в скобках после английского перевода. Важным и оригинальным новшеством является регулярное помещение в этом двуязычном словаре после всех исконно славянских форм их праславянских реконструкций и ремарк этимологического характера» [Трубачев 1969: 328].

Вместе с тем, далеко не каждое отклонение микроструктуры рецензируемого словаря от традиционной структуры статьи этимологического словаря оценивалось О.Н. Трубачевым положительно: «Общее замечание, которое может быть высказано в связи с несколько необычным типом словарных статей в труде Садник и Айцетмюллера, – это то, что они часто лишены необходимой лексикографической экономности и временами слишком повествовательны, а также композиционно отходят от удобной структуры статьи этимологического словаря (: обзор форм и значений – данные по истории – этимология – литература), выработанной длительным опытом науки» [Трубачев 1971a: 264].

Эффективному представлению информации в словаре способствует также уместное использование его составителями различных лексикографических параметров. К примеру, для книги И.С. Вахроса «Наименования обуви в русском языке» в качестве таких функционально обусловленных параметров О.Н. Трубачев отмечает «богатство иллюстраций с изображениями реальных, а также то, что книга написана на хорошем русском языке и, наконец, прекрасно издана (имея в виду качество набора примеров на разных языках)» [Трубачев 1962: 99]. В свою очередь, в своей рецензии на «Этимологический словарь чешского и словацкого языка» В. Махека (Прага, 1957) О.Н. Трубачев зафиксировал самое раннее использование иллюстративного параметра в этимологической лексикографии: «Некоторые статьи, посвященные названиям предметов материальной культуры, снабжены специальными иллюстрациями, которых в тексте словаря всего восемь. Это можно рассматривать как новшество в этимологическом словаре» [Трубачев 1958: 132].

Наконец, обращал внимание О.Н. Трубачев и на соблюдение составителями словарей таких условий эффективного представления словарной информации, как обязательный «высокий уровень научной и – не в последнюю очередь – внешней, полиграфической подготовки словаря» [Трубачев 1971b: 260] и «хороший академический (издательский и полиграфический) уровень этой новой публикации, которая осуществлена в духе лучших традиций русской и советской науки» [Трубачев 1975b: 131]. Таким образом, и третий сформулированный Дж.Б. Макмилланом критерий оценки словарей (эффективность представления словарной информации) О.Н. Трубачев широко использовал в своих рецензиях и даже существенно обогатил новыми подходами к его употреблению, особенно при рассмотрении макроструктуры словаря.

4. НОВЫЕ ПРИЕМЫ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ СЛОВАРЕЙ, ПРЕДЛОЖЕННЫЕ О.Н. ТРУБАЧЕВЫМ

О.Н. Трубачев не ограничился при оценке словарной продукции тремя перечисленными выше критериями, предложенными Дж.Б. Макмилланом, а разработал ряд своих, принципиально новых приемов и методов рассмотрения и оценки словарей. Прежде всего, необходимо назвать **прием параллельного чтения словарей**, к современным формам использования которого О.Н. Трубачев шел многие годы, сравнивая разноязычные и разнотипные словари и постепенно совершенствуя методику их сравнительного изучения. Так, в первых словарных рецензиях ученого можно найти сравнительные оценки только отдельных элементов структуры рассматриваемых словарей: разное количество производных форм в сравниваемых словарях [Трубачев 1957: 148];

наличие или отсутствие в них обязательного толкования для заглавных слов, адресатных характеристик для разнотипных словарных сведений, нормативного или ненормативного характера реестровой лексики и др. [Трубачев 1958: 129–132]; сравнение творческих манер составителей разных словарей [Трубачев 1960: 67]; разное количество реестровых единиц в сравниваемых словарях [Трубачев 1963: 282]; различные орфографические и нормативные установки составителей словарей, которые сравнивались [Трубачев 1965а: 353].

Стимулом для проведения О.Н. Трубачевым системного сравнительного анализа («параллельного чтения») двух словарных текстов послужило то, что «в декабре 1974 г. почти одновременно вышли впервые в своих странах два словаря – “Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд”, вып. 1 (А – **besědblivъ*) в Москве и “*Słownik prasłowiański*”, tom I (А–В) в Кракове (точнее – в издательстве “Ossolineum” Польской Академии наук)» [Трубачев 1978b: 3]. Оценивая итоги многолетней подготовительной работы авторских коллективов указанных словарей, О.Н. Трубачев признавался, что сама «идея параллельной работы двух научных коллективов, как по методу, так и по результатам небезынтересной для более широкой научной и читательской аудитории, побудила меня предпринять этот небольшой опыт параллельного чтения, несмотря на все колебания и сомнения...» [Там же]. От первых попыток сравнительного оценивания различных словарей в рецензиях О.Н. Трубачева реализованный им же опыт параллельного чтения московского ЭССЯ и краковского «Праславянского словаря» выгодно отличается системным характером рассмотрения всех мыслимых вопросов, возникающих в процессе создания, изучения и использования данных словарей.

Начав свою рецензию сравнительным анализом хронологических рамок подготовки ЭССЯ и «Праславянского словаря», общей численности авторских коллективов и степени стабильности их персональных составов, работавших над созданием этих словарей, О.Н. Трубачев переходит далее к собственно «параллельному чтению», т.е. контрастивной характеристике: а) целей, достижению которых служат рассматриваемые словари; б) принципов, лежащих в их основе; в) методов, использовавшихся составителями в процессе подготовки данных словарей. Сравнению подвергались также макро- и микроструктура словарей, «научная польза обоих этих словарей» [Там же: 10], состав их реестровой лексики, степень соответствия используемых в словарях этимологических подходов существующей славистической традиции, языковая принадлежность сравниваемых словарей, а также правомерность использования их составителями отдельных лексикографических параметров (например, отсылочных слов).

В процессе параллельного чтения ЭССЯ и «Праславянского словаря» исследователь оценивает не только сравниваемые словари, но и применяемый им самим сравнительный метод: «Параллельное чтение, или контрастивная характеристика двух наших словарей кажется нам полезным (полезной) не только для лучшего понимания особенностей самих словарей, но и для того, чтобы составить представление о самом предмете – лексике праславянского языка и его диалектов. При этом некоторой гарантией объективности результатов (особенно результатов совпадающих) служит то обстоятельство, что оба словарных коллектива в Москве и Кракове работают совершенно самостоятельно» [Там же: 6]. Завершает свою рецензию О.Н. Трубачев определением перспектив дальнейшего использования приема параллельного чтения при оценке словарей: «Мы присутствуем при начале многотомных продолжающихся изданий. Можно продолжить и параллельное чтение. Это сопоставление не преследовало цели обязательно выяснить, что один словарь “лучше”, а другой “хуже”, хотя различия в их подходах к одному предмету всегда привлекали наше внимание. Главное внимание необходимо обратить на самый предмет исследования – древнюю лексику всех славянских языков, изучение которой в обоих словарях разными путями продвигается вперед» [Там же: 17].

В последующих своих словарных рецензиях О.Н. Трубачев еще больше расширяет сферу применения приема параллельного чтения словарей, используя его для прове-

дения контрастивного анализа содержания не только однотипных словарей разной языковой принадлежности, но даже различных словарных изданий одного и того же автора. Подобная универсализация приема параллельного чтения словарей позволяет исследователю получить новые, нетривиальные результаты при сравнительном изучении, к примеру, подготовленных М. Майрхофером трехтомного «Краткого этимологического словаря древнеиндийского языка» (Гейдельберг, 1956/1976) и многотомного «Этимологического словаря древнеиндоарийского языка» (Гейдельберг, 1986–1993): «Явное стремление Майрхофера при составлении нового своего словаря отталкиваться в том или ином смысле от своего же древнеиндийского этимологического словаря не заслоняет от нас того существенного обстоятельства, что оба словаря как бы взаимодействуют. Уже упомянутое выше параллельное чтение приводит нас далее к не менее важному заключению, что хотя новый словарь в одних случаях содержит новые решения, дает новые материалы, новую, улучшенную этимологизацию, в других (как представляется, не менее многочисленных) отказывается (без достаточных оснований) от прежней здоровой трактовки, предпочитает не самые удачные решения, чрезмерно расширяет практику корневой этимологии» [Трубачев 1994: 82].

В текстах словарных рецензий О.Н. Трубачева широко используются и другие новые приемы и методы оценки словарей, разработанные рецензентом с целью более глубокого изучения содержания этимологических словарей. В частности, необходимость использования **метода стратиграфии славянского словаря** была осознана О.Н. Трубачевым в процессе работы над проблемой «вычленения в новых и древних пластах» лексики славянских языков [Трубачев 1971с: 256]. Уже через три года в своей рецензии на очередной выпуск «Этимологического словаря польского языка» Ф. Славского исследователь рассматривал указанную проблему в качестве главной для данного словаря: «...постепенно выдвигается на передний план в этом этимологическом словаре отдельного славянского языка проблема тесной связи лексического состава живого славянского языка и праславянского лексического состава. Можно даже сказать, что фактически это главная теоретическая проблема, над которой автор словаря работает по преимуществу, судя по направленности новейших выпусков труда» [Трубачев 1974: 177]. В другой, более поздней своей работе О.Н. Трубачев показал, что использование метода стратиграфии славянского словаря позволяет устанавливать не только связи, но и различия между различными временными пластами слов того или иного славянского языка: «Соседство этих последних заимствований и вышеупомянутых праславянских исконных слов – иллюзия, поскольку этой поздней лексике не было в древнем языке славян, на который в общем был ориентирован и словарь Бернекера. У поздних заимствований своя сложная проблематика и ей место в этимологическом словаре отдельного славянского языка. От археолога, копающего курганы скифского времени, никто ведь не требует описания стреляных гильз, оставшихся на поверхности земли от войн нового времени» [Трубачев 1978b: 6].

Более того, проведение стратиграфического анализа словарного состава, к примеру, белорусского или украинского языков, по мнению О.Н. Трубачева, позволяет дифференцировать на временной оси даже возраст отдельных слов и их вторичных фонетических форм: «...иное слово (именно слово, а не его нередко вторичная фонетическая форма со своими поздними особенностями из XIII и, может быть, еще более поздних столетий) в белорусском или украинском определенно старше самих белорусского или украинского языков» [Трубачев 1978a: 17]. Кстати, к аналогичному выводу (о большей древности культурной семантики слов в сравнении с их формой – фонетической, письменной или еще как-нибудь материально выраженной) в отношении словарного состава русского языка пришел и академик Ю.С. Степанов: «...дописьменная история культуры запечатлена не в археологических памятниках (не в “костях”), а в самом значении слов, представляющих собой развитие индоевропейского культурного наследия. Исконный словарный состав – вот оригинальное достояние русской культуры» [Степанов 2001: 6].

Подобные основанные на результатах стратиграфического анализа славянского словаря выводы О.Н. Трубачева имеют методологическое значение для проведения, к примеру, в Белоруссии современной языковой политики, избавленной от чрезмерных пуристических тенденций: «Огромное множество слов белорусского языка – это чисто праславянские и общеславянские, а вместе с тем в известном смысле и русские, и украинские слова, но по одной этой причине их общераспространенности никому ведь не приходит в голову мысль воздержаться от помещения их в белорусских словарях общего типа (раз они есть в русских!). Существуют ситуации, когда повторяться необходимо» [Трубачев 1978а: 25].

Универсальный характер стратиграфического подхода к изучению словарного состава языка подтверждается тем, что позднее его применил известный американский специалист по словарной типологии Я. Малькель для исследования лексикона испанского языка. Данный исследователь, изучая разновременные пласты реестровой лексики испаноязычных словарей, во многом повторил путь, пройденный О.Н. Трубачевым в процессе написания словарных рецензий. К примеру, в одной из ранних своих работ по словарной типологии Я. Малькель использовал хронологический параметр только для указания принадлежности рассматриваемого словаря к одной из двух групп – диахронические или синхронические словари [Malkiel 1968: 270]. В более позднем монографическом исследовании «Этимологические словари. Экспериментальная типология» («*Etymological dictionaries: A tentative typology*») (Чикаго; Лондон, 1976) Я. Малькель пришел к выводу о необходимости выделения в процессе типологического описания этимологических словарей испанского языка такого дифференциального признака (лексикографического параметра), как «временная глубина», при помощи которого характеризуются различные временные пласты реестровой лексики в рассматриваемых словарях [Malkiel 1976].

Только после того, как проведен стратиграфический анализ реестровой лексики этимологических словарей славянских языков и выделены различные временные пласты заголовочных слов в этих словарях, становится возможным использование **приема лексической реконструкции** для выявления реально не засвидетельствованных заглавных форм, которые обычно отмечаются звездочкой, и определения принадлежности этих реконструированных форм либо отдельным славянским языкам, либо праславянскому, либо праиндоевропейскому языку. Однако оценить, насколько уместно используется прием лексической реконструкции в том или ином этимологическом словаре, в действительности может только тот рецензент, который сам регулярно пользуется данным приемом в своей ежедневной словарной деятельности.

К примеру, О.Н. Трубачеву в написанных им словарных рецензиях удалось отдать должное умению пользоваться приемом лексической реконструкции, которое продемонстрировали составители этимологических словарей болгарского [Трубачев 1965а: 353], польского [Трубачев 1975а: 178; 1980b: 182; 1985b: 165], осетинского [Трубачев 1981: 178], праславянского [Трубачев 1982: 169], древнеиндоарийского [Трубачев 1994: 89] и других языков, во многом потому, что он сам в совершенстве владел этим приемом и умело использовал его при подготовке словарных статей ЭССЯ: «В нашем словаре применяется как бы **двухступенчатая модель реконструкции**: 1) сначала отбираются (реконструируются) праславянские словники для каждого из пятнадцати отдельных славянских языков; 2) только затем – путем слияния этих частных праславянских словников – получается единый словник праславянского языка и его диалектов» [Там же: 90]. Исследования российских ученых последних лет показывают, что использование приема реконструкции имеет огромное значение не только для праязыковой лексикографии, но и для изучения дописьменной истории культуры: «Взаимодействие гуманитарных, в первую очередь историко-филологических исследований, проведенных со всей скрупулезностью и с учетом методов конкретных наук, может сделать реконструкцию важнейшим источником данных, позволяющим перенести границу между историей и доисторией на несколько столетий или даже тысячелетий в глубь веков» [Герценберг, Казанский 2005: 1087].

Еще один новый прием оценки словарей (метод «замечаний на полях» при чтении) отрабатывался О.Н. Трубачевым в процессе рецензирования различных томов «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В.И. Абаева (М.; Л., 1958/1979). В частности, в рецензии ученого на второй том данного словаря основные черты указанного приема уже просматриваются, но сам прием еще не имеет точного названия: «Как уже сказано, словарь по праву вызывает у нас острый интерес, т.е. желание спорить с автором по одним вопросам и одновременное признание его правоты по другим вопросам. Свои замечания того и другого рода мы располагаем поэтому в свободном порядке, ориентируясь для удобства на порядок изложения в словаре» [Трубачев 1975b: 131]. Однако уже через 6 лет в своей рецензии на третий том указанного словаря О.Н. Трубачев дает точное название используемому им приёму рецензирования: «Отказавшись поэтому и на сей раз от пространной традиционной рецензии (ср. аналогичную нашу рецензию на т. II, – ВЯ, 1975, № 1, с. 131–135), изберем более целесообразный метод “замечаний на полях” при чтении, специально выделяя вопросы славянской и индоевропейской этимологии и реконструкции» [Трубачев 1981: 178].

5. ИНЫЕ МЕТАЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ВКЛАДЫ О.Н. ТРУБАЧЕВА

Своими словарными рецензиями и удачным использованием в них традиционных и новых критериев, приемов и методов оценки словарей О.Н. Трубачев внес весомый вклад в развитие не только научной критики словарей, но и других направлений славянской металексикографии. В частности, словарную типологию он дополнил подробными описаниями ряда «совокупных типов» [Трубачев 1979: 173] этимологических словарей: историко-этимологический словарь [Трубачев 1971b: 261]; «чистый» этимологический словарь [Трубачев 1978a: 22]; частный этимологический словарь [Трубачев 1960: 60–61]; общий этимологический словарь (словарь-синтез) [Там же: 61]; словарь-реконструкция [Трубачев 1965b: 346; 1978b: 10; 1994: 90]; словарь-коллекция [Трубачев 1965b: 346; 1978b: 10]; словарь корней (корневой словарь) [Трубачев 1978a: 17; 1978c: 163]; словарь лексем (этимологический словарь) [Там же]; краткий (школьный) этимологический словарь [Трубачев 1978a: 18–19]; этимологический словарь «большекорпусного языка» («словарь-левиафан») [Трубачев 1994: 88–90] и др.

Славянскую словарную лексикологию, основными целями которой являются «ориентированная на нужды лексикографической практики трактовка наиболее важных языковых и метаязыковых явлений, ...преодоление в значительной мере искусственного разделения ряда дисциплин внутренней лингвистики и рассмотрение фонетики, фонологии, морфологии, словообразования, присловного синтаксиса в рамках лексикологии» [Морковкин 1987: 35], О.Н. Трубачев обогатил разработкой и всесторонним обоснованием требования полноты этимологического словаря, предполагающего включение в него любой лингвистической (лексической, грамматической, словообразовательной, фонетической) и экстралингвистической (энциклопедической, иллюстративной и прочей) информации, которая способствует реконструкции исходных значений и форм этимологизируемого слова [Трубачев 1960; 1965a; 1967b; 1980a; 1980b; 2002].

Учение об элементах словаря и учение об основах лексикографического конструирования основательно расширены за счет хорошо аргументированных рассуждений О.Н. Трубачева о путях и способах организации словарного пространства в рецензируемых справочных изданиях (выборе главного принципа подачи материала в словаре, установлении тесной взаимосвязи макро- и микроструктуры словаря, мотивированном использовании составителями словарей традиционных и разработке ими новых лексикографических параметров) [Трубачев 1958; 1960; 1962; 1965b; 1967c; 1969; 1971a; 1975b; 1976a; 1976b].

Учение о первичных словарных материалах сегодня трудно представить без научно обоснованных утверждений О.Н. Трубачева о принципах определения корпуса источников для создаваемых словарей, о необходимости учета составителями словарей тре-

бований точности, законченности, ясности, простоты, современности и надежности включаемых в них сведений [Трубачев 1961; 1973; 1978а; 1980а].

Наконец, учение о планировании и организации словарной работы и история славянской лексикографии только выиграют, если в рамках этих направлений славянской металексикографии будет максимально полно учтен более чем сорокалетний опыт подготовки и издания О.Н. Трубачевым десятков выпусков ЭССЯ и серии сборников статей «Этимология» [Трубачев 1995; 2001; 2002].

Тезисное изложение многочисленных теоретических и практических новаций О.Н. Трубачева, которыми в результате публикации им своих словарных рецензий обогащались самые разные направления славянской металексикографии, обусловлено тем, что практически все эти новации использовались исследователем в процессе рецензирования словарей, а потому уже рассматривались нами выше в процессе анализа традиционных и новых критериев, приемов и методов оценки словарей. Такое многофункциональное использование металексикографических новаций О.Н. Трубачева является лучшим свидетельством того, что в процессе рецензирования словарей, как правило, реализуется весь профессиональный опыт рецензента, накопленный им в области практической и теоретической лексикографии.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение содержания словарных рецензий О.Н. Трубачева, опубликованных на протяжении 1957–2002 гг., позволяет нам сделать следующие выводы:

1. В процессе рецензирования словарей разных типов и языков О.Н. Трубачев использовал все основные критерии оценки словарной продукции, которые в зарубежной металексикографии традиционно относятся к такому ее направлению, как научная критика словарей. Кроме того, О.Н. Трубачев развил данное направление за счет принципиально новых, разработанных непосредственно им приемов и методов оценки словарей (приема параллельного чтения словарей, метода стратиграфии славянского словаря, приема двухступенчатой лексической реконструкции, метода «замечаний на полях» при чтении и др.). Последнее свидетельствует о правомерности и целесообразности выделения научной критики словарей славянских языков в качестве отдельного направления славянской металексикографии.

2. В результате осуществления научной критики словарей обогащаются все без исключения направления металексикографии. В свою очередь, новейшие достижения и наработки практической и теоретической лексикографии в той или иной форме используются профессиональными лексикографами в процессе рецензирования ими словарей. Таким образом, налицо наличие тесных взаимосвязей между различными направлениями словарной науки, образующими единую научную дисциплину – теоретическую лексикографию.

3. В подавляющем большинстве словарных рецензий О.Н. Трубачева (в 62-х из 76-ти) рассматриваются этимологические словари славянских и других языков, что позволяет нам назвать в качестве главного объекта научных интересов рецензента этимологию. В пользу данного вывода говорят и результаты библиометрического анализа более 700 словарных ссылок, выявленных нами в работах ученого разных лет [Щербин 2006]. Вместе с тем, исключительно широкий охват разнотипных лексикографических изданий, которые упоминаются в словарных рецензиях, посвященных этимологическим словарям, свидетельствует о том, что из многочисленных направлений аспектной лексикографии по богатству используемых словарных источников этимологическая лексикография ближе всего стоит к научной критике словарей, а следовательно, именно этимологическая лексикография может стать главным связующим звеном между аспектной лексикографией и металексикографией.

4. Весомый и разносторонний вклад, сделанный О.Н. Трубачевым в развитие славянской лексикографии и металексикографии, его бесконечно разнообразный интерес к словарям самых разных языков и типов дают нам основания использовать в от-

ношении этого выдающегося российского этимолога и лексикографа понятие *словарная личность*. На наш взгляд, словарной личностью можно назвать лексикографа или иного специалиста в области лингвистики, который всесторонне освоил все языковое и типологическое разнообразие существующей словарно-справочной литературы и своей профессиональной деятельностью определяет направления дальнейшего развития этого текстового жанра. Именно такой словарной личностью в славянском языкознании второй половины XX века и был академик Олег Николаевич Трубачев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вахрос 1959 – И.С. Вахрос. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования – до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959.
- Герценберг, Казанский 2005 – Л.Г. Герценберг, Н.Н. Казанский. Праязыковая реконструкция: общие проблемы // Вестник РАН. 2005. Т. 75. № 12.
- Михайлов 2001 – О.В. Михайлов. Цитируемость ученого: важнейший ли это критерий качества его научной деятельности? // Науковедение. 2001. № 1.
- Морковкин 1987 – В.В. Морковкин. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // ВЯ. 1987. № 6.
- ОНТ 2003 – Е.П. Челышев (гл. ред.); Г.А. Богатова (отв. ред.). Олег Николаевич Трубачев: Научная деятельность: Хронологический указатель трудов. М., 2003.
- Степанов 2001 – Ю.С. Степанов. Константы: Словарь русской культуры. 2-е изд. М., 2001.
- Трубачев 1957 – О.Н. Трубачев. Рец.: Frisk H. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1954–1955. Lfg. 1–3. XI // ВЯ. 1957. № 3.
- Трубачев 1958 – О.Н. Трубачев. Новые этимологические словари славянских языков [Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1952–56. № 1; Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957] // ВЯ. 1958. № 4.
- Трубачев 1960 – О.Н. Трубачев. Об этимологическом словаре русского языка [Рец.: Фасмер М. Русский этимологический словарь] // ВЯ. 1960. № 3.
- Трубачев 1961 – О.Н. Трубачев. Об одном опыте популяризации этимологии [Рец.: Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка: Пособие для учителя. М., 1961] // ВЯ. 1961. № 5.
- Трубачев 1962 – О.Н. Трубачев. Рец.: Вахрос И.С. Наименования обуви в русском языке. I. Древнейшие наименования – до Петровской эпохи. Хельсинки, 1959 // Краткие сообщения Ин-та славяноведения. 1962. № 35.
- Трубачев 1963 – О.Н. Трубачев. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1961. Т. 2. Zesz. 2 // Этимология: Исследования по русскому и другим языкам. М., 1963.
- Трубачев 1965a – О.Н. Трубачев. Рец.: Георгиев В. и др. Български етимологичен речник. Св. I, II. София, 1962 // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследований. М., 1965.
- Трубачев 1965b – О.Н. Трубачев. Рец.: Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963. Lfg. 1 // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследований. М., 1965.
- Трубачев 1965c – О.Н. Трубачев. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1963. Т. II. Zesz. 3 // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследований. М., 1965.
- Трубачев 1965d – О.Н. Трубачев. Рец.: Striedter-Temps H. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin; Wiesbaden, 1963 // Этимология: Принципы реконструкции и методика исследований. М., 1965.
- Трубачев 1967a – О.Н. Трубачев. Рец.: Schulz G.V. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Berlin; Wiesbaden, 1964. XVIII // Этимология, 1965: Материалы и исследования по индоевропейскому и другим языкам. М., 1967.
- Трубачев 1967b – О.Н. Трубачев. Рец.: Георгиев В. и др. Български етимологичен речник. София, 1964. Св. 3 // Этимология, 1965: Материалы и исследования по индоевропейскому и другим языкам. М., 1967.

- Трубачев 1967с – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1964. Lfg. 2 // *Этимология*, 1965: Материалы и исследования по индоевропейскому и другим языкам. М., 1967.
- Трубачев 1967d – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Słownik starożytności słowiańskich. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1962. T. I. Cz. 2; 1964. T. II. Cz. 1 // *Этимология*, 1965: Материалы и исследования по индоевропейскому и другим языкам. М., 1967.
- Трубачев 1969 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Polański K., Sehnert J.A. Polabian-English dictionary. The Hague; Paris, 1967 // *Этимология*, 1967: Материалы Междунар. симпоз. «Проблемы славянских этимологических исследований в связи с общей проблематикой современной этимологии», 24–31 янв. 1967 г. М., 1969.
- Трубачев 1971a – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1967. Lfg. 3 // *Этимология*, 1968. М., 1971.
- Трубачев 1971b – *О.Н. Трубачев*. Рец.: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1967 // *Этимология*, 1968. М., 1971.
- Трубачев 1971с – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Scholz F. Slavische Etymologie. Eine Anleitung zur Benutzung etymologischer Wörterbücher. Wiesbaden, 1966 // *Этимология*, 1968. М., 1971.
- Трубачев 1973 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1970. K. 2 // *Этимология*, 1971. М., 1973.
- Трубачев 1974 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1971. T. IV. Zesz. 2 // *Этимология*, 1972. М., 1974.
- Трубачев 1975a – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1972. T. IV. Zesz. 3 // *Этимология*, 1973. М., 1975.
- Трубачев 1975b – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1973. Т. 2 // *ВЯ*. 1975. № 1.
- Трубачев 1975с – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Unbegaun B.O. Russian surnames. Oxford, 1972. XVIII // *Этимология*, 1973. М., 1975.
- Трубачев 1976a – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Sv. 1. Předložky. Koncové partikule. Praha, 1973 // *Этимология*, 1974. М., 1976.
- Трубачев 1976b – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1973. T. IV. Zesz. 4 // *Этимология*, 1974. М., 1976.
- Трубачев 1976с – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sadnik L., Aitzetmüller R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1973. Lfg. 6 // *Этимология*, 1974. М., 1976.
- Трубачев 1976d – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Stang Chr.S. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo; Bergen; Tromsø, 1972 // *Этимология*, 1974. М., 1976.
- Трубачев 1977 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Słownik prasłowiański. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1974. T. 1 // *Этимология*, 1975. М., 1977.
- Трубачев 1978a – *О.Н. Трубачев*. *Этимологические исследования восточнославянских языков: Словари* // *ВЯ*. 1978. № 3.
- Трубачев 1978b – *О.Н. Трубачев*. *Этимологический словарь славянских языков и Праславянский словарь (Опыт параллельного чтения)* // *Этимология*, 1976. М., 1978.
- Трубачев 1978с – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Słownik prasłowiański. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2 // *Этимология*, 1976. М., 1978.
- Трубачев 1979 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Malkiel Y. Etymological dictionaries: A tentative typology. Chicago; London, 1976 // *Этимология*, 1977. М., 1979.
- Трубачев 1980a – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Георгиев В. и др. Български етимологичен речник. София, 1976. Св. 11 / 12; София, 1977. Св. 13 / 14 // *Этимология*, 1978. М., 1980.
- Трубачев 1980b – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1977. T. V. Zesz. 3 // *Этимология*, 1978. М., 1980.
- Трубачев 1981 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л., 1979. Т. 3 // *Этимология*, 1979. М., 1981.
- Трубачев 1982 – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Słownik prasłowiański. Wrocław; Kraków; Gdańsk, 1979. T. III // *Этимология*, 1980. М., 1982.
- Трубачев 1985a – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Malingoudis Ph. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slavische Flußnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981 // *Этимология*, 1982. М., 1985.
- Трубачев 1985b – *О.Н. Трубачев*. Рец.: Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1979. T. V. Zesz. 4 // *Этимология*, 1982. М., 1985.

- Трубачев 1994 – О.Н. Трубачев. Маргиналии к новому «Этимологическому словарю древнеиндоарийского языка» М. Майрхофера // ВЯ. 1994. № 3.
- Трубачев 1995 – О.Н. Трубачев. Славяне: язык и история – как основа этногенеза: К 20-летию издания «Этимологического словаря славянских языков: Праславянский лексический фонд» (1974–1994, I–XX, А–М) // Южнославянский филолог. 1995. LI.
- Трубачев 2001 – О.Н. Трубачев. Из воспоминаний (посвящается 25-летию начала публикации Этимологического словаря славянских языков (ЭССЯ): 1974–1999 гг.) // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1.
- Трубачев 2002 – О.Н. Трубачев. Опыт ЭССЯ: к 30-летию с начала публикации (1974–2003) // ВЯ. 2002. № 4.
- Шапошников 2005 – А.К. Шапошников. Хроникальные заметки // ВЯ. 2005. № 3.
- Шчэрбін 2003 – В.К. Шчэрбін. Агляд сацыялінгвістычнай праблематыкі беларускай лексікаграфіі // Язык и социум: Материалы V Междунар. науч. конф. 6–7 дек. 2002 г., Минск. В 2-х ч. Ч. II. Минск, 2003.
- Шчэрбін 2005 – В.К. Шчэрбін. Пытанні агульнага навуказнаўства ў працах акадэміка А.М. Трубачова // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2005. № 4.
- Щербин 1999 – В.К. Щербин. Социология словаря // Социология. 1999. № 3.
- Щербин 2006 – В.К. Щербин. Словарный мир академика О.Н. Трубачева (по данным библиометрического анализа словарных ссылок в работах ученого) // Междунар. конф. «Северное Причерноморье: к истокам славянской культуры. IV Чтения памяти академика О.Н. Трубачева» (Алупка–Херсонес, 22–26 сентября 2006 г.): Тезисы докладов и сообщений. Киев; Москва, 2006.
- Chapman 1977 – R.L. Chapman. Dictionary review and reviewing: 1900–1975 // I.W. Russel (eds.). J.B. McMillan: Essays in linguistics by his friends and colleagues. / J.C. Raymond, Alabama, 1977.
- Hausmann 1986 – F.J. Hausmann. The training and professional development of lexicographers in Germany // R. Ilson (ed.). Lexicography: An emerging international profession. Oxford, 1986.
- James 1994 – G. James. Lexicography, Indian // The encyclopedia of language and linguistics. V. 4. Oxford, 1994.
- Landau 1996 – S.I. Landau. Dictionaries: The art and craft of lexicography. New York, 1996.
- Quirk 1986 – R. Quirk. Opening remarks // R. Ilson (ed.). Lexicography: An emerging international profession. Oxford, 1986.
- Malingoudis 1981 – Ph. Malingoudis. Studien zu den slavischen Ortsnamen Griechenlands. 1. Slavische Flußnamen aus der messenischen Mani. Wiesbaden, 1981.
- Malkiel 1968 – Y. Malkiel. A typological classification of dictionaries on the basis of distinctive features // Y. Malkiel. Essays on linguistic themes. Oxford, 1968.
- Malkiel 1976 – Y. Malkiel. Etymological dictionaries: A tentative typology. Chicago; London, 1976.
- Osselton 1989 – N.E. Osselton. The history of Academic dictionary criticism with reference to major dictionaries // Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires: An International encyclopedia of lexicography. V. 1. Berlin; New York, 1989.
- Polański, Sehnert 1967 – K. Polański, J.A. Sehnert. Polabian-English dictionary. The Hague; Paris, 1967.
- Schulz 1964 – G.V. Scholz. Studien zum Wortschatz der russischen Zimmerleute und Bautischler. Berlin; Wiesbaden, 1964.
- Stang 1972 – Ch.S. Stang. Lexikalische Sonderübereinstimmungen zwischen dem Slavischen, Baltischen und Germanischen. Oslo etc., 1972.
- Striedter-Temps 1963 – H. Striedter-Temps. Deutsche Lehnwörter im Slovenischen. Berlin; Wiesbaden, 1963.
- Udolph 1979 – J. Udolph. Studien zu slavischen Gewässernamen und Gewässerbezeichnungen. Ein Beitrag zur Frage nach der Urheimat der Slaven. Heidelberg, 1979.
- Unbegaun 1972 – B.O. Unbegaun. Russian Surnames. Oxford, 1972.
- Wiegand 1983 – H.E. Wiegand. On the structure and contents of a general theory of lexicography // R.R. Hartmann (ed.). Lexicographica, Series Major 1. «Lexeter 83». Proceedings: Papers from the International Conference on Lexicography at Exeter, 9–12 Sept. 1983. Exeter, 1983.